

АГАФОНОВ А. Снимаю патину с имен...

Мы сидим в узкой монтажной. За спиной режиссера — штабель из крутых коробок — отснятый и не вошедший в фильм «СУДЬБЕ ЗАВИСТЛИВОЙ НАЗЛО» МАТЕРИАЛ. РАССКАЗЫ ТЕХ, КОГО ЖИЗНЬ СВЕЛА ВООЧИЮ СО ЗНАМЕНЫТЫМ ПАВКОЙ КОРЧАГИНЫМ — НИКОЛАЕМ ОСТРОВСКИМ. ПОПЫТКА ПРОБИТЬСЯ ЗА ХРЕСТАМАТИЙНЫЙ ГЛЯНЕЦ, ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ ОХРАНЯВШИЙ ОТ НАС ЛИЧНОСТЬ ЭТОГО УДИВИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА...

— Роман Александрович... Островский... Он был сильно другим в действительности!

— Был... Вы обратили внимание, что силу этого человека сводят к одному — умению переломить болезнь? В действительности же ему приходилось преодолевать самые различные обстоятельства, и болезнь — еще не из самых фатальных. Помните, история Павки Корчагина завершается удачей — известием, что рукопись приняли в издательстве? Значит — он снова нужен, значит — не пустует место в строю...

В жизни Островского все получилось не так гладко! Рукопись первой вещи — повести о бригаде Котовского — попросту затеряли в издательстве. Представляете, что это для слепого, прикованного к постели человека? Ни единого черновика не имеющего? И вот он снова восстанавливает текст по памяти, потому что считает себя не вправе не рассказать о тех легендарных событиях и людях. И снова рукопись пропадает... Любый бы сломался — но только не Островский. Не случайно он третьим из писателей награжден орденом Ленина...

— Он что же, вообще никогда не испытывал отчаяния? Миф о железном бойце не преувеличен!

— Как это не испытывал! А попытка самоубийства? Жизнь была у этого человека безумно трудная. Было и такое, что ему остались лишь партбилет да пистолет. И ни копейки денег, ни ломтя хлеба, ни единого дружеского слова калеке. Позже он напишет: партбилет продать невозможно, а от оружия отказаться — не хочу.

Или другой случай, когда прикованный к постели и всеми позабытый он был вычеркнут из партии, так как перестали поступать взносы, и какой-то ретивый чиновник уничтожил даже учетную карточку коммуниста Островского! Что должен был испытывать человек, отдавший партийному делу всю свою жизнь?

— Говорят, у него была совершенно удивительная память!

— Избирательно. Ведь он обязан был все помнить, все держать в голове. Писатель, который не может воспользоваться записанным, вы это можете представить?

— Роман Александрович, вы рассказывали, что жизнь была

этого человека, словно сговоришься. И со списком молодых писателей, и с пустыми страницами, вместо предисловия к роману, и с другими подобными случаями, когда знакомишься, просто не по себе становится. Как-то неуклюже тут проводить параллель, но когда сегодня я слышу: а что мне дает комсомол! Ну, вы понимаете... Так вот я хочу сказать об оборотной стороне медали. По-моему, не комсомол — Островскому, а тот ему дал куда больше. Не молодежный Союз воспитывал таких людей, а они «делали» его.

Вот в газетах промелькнул характерный факт и как-то остался не осмысленным. Ведь именно комсомольские вожаки, секретари ЦК ВЛКСМ, оказались среди тех немногих, кто не клепал на других, не сломился в сталинских застенках, не изверился... Куда же делась эта «комса», как сказал бы Островский!

— Знаете, мне очень хочется сделать об этом фильм. Еще — о тех молодых ребятах, что прошли Испанию и... об их дальнейшей судьбе здесь. Я называю вам конкретные имена как режиссер документального кино, то есть это — реальные люди.

— Но пока их не называть!

— Дело еще в том, что может, здесь во главу угла выйдут несколько иная проблема.

— Знаете, Роман Александрович, я бы рассказал о тех, кто остается в тени... Вот два человека принимают бой. Один героически гибнет — его имя увековечено. Другой — продолжает жить, его подвиг постепенно стирается. Или другая возможность — разве не может человек, совершивший подвиг, затем оступиться, а то и переродиться!

— Судьбы человеческие — это и есть самый интересный материал для документалиста. А про бой — есть такое место, где он продолжает гротыхать. Это — госпиталь для ветеранов Великой Отечественной войны. Отеческой — подчеркиваю. Сколько бы лет ни прошло, другие события не должны заслонять это понятие. Уже несколько лет я слежу за этим госпиталем и надеюсь в недалеком будущем сделать очень правдивый и заставляющий о многом задуматься фильм...

— Вот вы говорите — «заставляющий задуматься». Это

что — доказывающий определенную позицию или просто провоцирующий огонь на себя!

Объясню, почему спрашиваю. К примеру — Атоммаш или еще лучше — АЭС. Недавно столкнулся с таким предложением: а что если написать об АЭС большой хвалебный материал (или в вашем случае — снять фильм)! Будет поток негодующих откликов — ну и прекрасно. В спорах рождается истина... Может, я издаю ставлю вопрос, но какова ответственность документалиста за точку зрения на материал!

— Да огромна просто-таки! Как же можно — такое об АЭС? Там же проблема на проблеме — технические, социальные, моральные, экологические...

Мне даже странно как-то такое слышать. Вспоминаются те люди в сталинских застенках, которые оговаривали массу невиновных, рассуждая так: чем больше будет оговоров — тем быстрее поймут, что все это бред. И что? Тысячи жизней унесла эта «теория»!

АЭС... Что-то много планов я вам сегодня выдаю, но есть задумка сделать прямо противоположный по идее фильм: «Фантазии на тему Атоммаша»...

— И последний вопрос: команда, с которой вы делали фильм об Островском, — многолетний коллектив!

— С оператором Георгием Александровичем Седовым я и раньше работал. Знаете, для него этот фильм — настоящее открытие Островского, и это придает всей ленте особый колорит. Сценарист Алла Русавская — исследователь по натуре и очень обстоятельна. И то, что она с группой участвовала в съемках, — очень помогло. Многие люди, появившиеся в фильме, — тоже ее заслуга, она их нашла. Да вообще все — от режиссера до шофера — выступили в этой ленте единомышленниками. И, скажу напоследок, на этом наша работа над темой не заканчивается, будет продолжение.

— Что ж, успехов. От души желаю в следующем фильме найти новые, более яркие краски.

Беседу с Р. А. Розенблитом вел

А. АГАФОНОВ.
Корр. «Комсомолец».